

Глава 7. Подводные течения

Стоило возникнуть какой-нибудь неразрешимой проблеме, как император Жунхун тут же вспоминал о своём родном брате.

Новоиспечённые чиновники могли решить, что государь безгранично доверяет Великому князю Дуаню, возлагая на него столь ответственные поручения. Однако те, кто провёл при дворе не один десяток лет, прекрасно понимали: всё обстоит с точностью до наоборот. Ли Юньшэнь просто не желал, чтобы Ли Юнькэ надолго задерживался в столице — так у него оставалось гораздо меньше времени на то, чтобы плести интриги и сколачивать собственную клику.

Если Ли Юнькэ удавалось провести в Инчжуне хотя бы полгода за весь двенадцатимесячный цикл, это означало лишь одно: император пребывал в на редкость благодушном настроении и, вопреки обыкновению, не стремился усложнять ему жизнь. Впрочем, подобные времена случались нечасто. Как правило, он жил в собственном поместье от силы три-четыре месяца в году. Обычно это происходило во время больших праздников, когда вдовствующая императрица начинала слишком сильно тосковать по сыну, и лишь тогда Ли Юньшэнь нехотя призывал его в столицу погостить подольше.

Потому Ли Юнькэ ничуть не удивился решению брата поручить это дело именно ему. В конце концов, подвернулся отличный повод снова выставить его из Инчжуна — как тут упустить такую возможность? Но эта сотня отборных гвардейцев...

Ли Юнькэ и один стоил сотни — уж не насмешка ли это со стороны венценосного брата?

Впрочем, император волен говорить что угодно. Ли Юнькэ остался бесстрастным. Он низко поклонился и произнёс:

— Ваш покорный слуга повинуется.

Покинув дворцовые покои, Ли Юнькэ лениво зевнул.

У ворот его всё ещё ждал экипаж. Стоило князю показаться, как из повозки спрыгнул юноша и бросился к нему.

— Ваше Высочество, вы, должно быть, устали? Вернёмся домой отдыхать?

Это был Кун Ин, пятнадцатилетний сын управляющего Поместьем Великого князя Дуаня. Мальчик вырос на глазах у князя, и хотя Ли Юнькэ редко бывал дома, он всегда привозил ему какие-нибудь гостинцы, любя и опекая его словно родного брата.

Князь легонько ущипнул Кун Ина за нос и, тяжело навалившись рукой на плечо юноши,

изнурённо выдохнул:

— Боюсь, дома отдохнуть не получится. Ин-ин, твой братец снова уезжает. Зато привезу тебе кучу вкусностей и диковинок. Ты ведь рад?

Кун Ин мгновенно посуровел.

— Ваше Высочество, император снова придирается к вам? Вы и дома-то побыли всего ничего, и вот опять! Куда на этот раз?

— Тш-ш, потише, — Ли Юнькэ, будучи гораздо выше мальчика, буквально навис над ним. — Здесь у стен есть уши. Хочешь, чтобы тебя схватили за дерзкие речи?

Кун Ин презрительно хмыкнул:

— Я не боюсь.

— Зато я боюсь, — Ли Юнькэ выпрямился и ободряюще похлопал его по спине. — Ступай в поместье. Я уезжаю из Инчжуна завтра на рассвете, а сегодня хочу просто погулять. Вернусь поздно.

Кун Ин пристально посмотрел на него. Догадавшись, что настроение у князя сейчас не из лучших, он не стал спорить и лишь кивнул:

— Тогда не задерживайтесь слишком долго, Ваше Высочество. Завтрашняя дорога будет утомительной.

— Знаю-знаю, маленький дворецкий!

Стоило Кун Ину скрыться из виду, как Ли Юнькэ окликнули. Обернувшись, он увидел Ци Ланя, военного министра, который торопливо спешил к нему. Князь сделал несколько шагов навстречу:

— Господин Ци, у вас ко мне дело?

Ци Ланю перевалило за сорок, и этот короткий забег заставил его изрядно запыхаться. Поклон его вышел скомканным, но он, зная, что князь не придаёт значения подобным формальностям, даже не стал извиняться.

— Ваше Высочество, — понизив голос, шепнул он. — Здесь неудобно говорить. Может, сменим место?

Ли Юнькэ бросил беглый взгляд по сторонам и с улыбкой ответил:

— Господин Ци, если мы уйдём вместе на глазах у всей толпы, это даст недоброжелателям ещё больше пищи для размышлений.

Ци Лань растерялся.

— Поговорим на ходу, ничего страшного, — предложил князь и двинулся вперёд.

Министр последовал за ним. Он старался держаться прямо и выглядеть непринуждённо, чтобы не привлекать лишнего внимания, но говорил едва слышно.

— Ваше Высочество, — начал он, — предчувствия у меня недобрые. Боюсь, всё куда серьёзнее, чем просто полсотни воинов Цюцзюэ. Эти люди могут устроить в Чэннин настоящую бурю. Прошу вас, будьте предельно осторожны.

— Мои мысли в точности совпадают с вашими, господин Ци. Подозреваю, это лишь начало, — Ли Юнькэ одобрительно кивнул. — Благодарю за заботу. Я не посрамлю высочайшее повеление.

Ци Лань едва сдержался, чтобы не закатить глаза. «Да плевать мне на императорское повеление! — подумал он. — Я за твою жизнь опасаюсь!» Но вслух произнёс другое:

— Сейчас военная мощь разделена на три части. Одна — в руках императора, вторая — у Военного министерства, а третья... та, что принадлежала вам, теперь перешла к Чжан Лисиню.

Ли Юнькэ ответил тоном человека, обсуждающего погоду:

— Господин Ци, то, что государь передал часть войск Военному министерству и Лисиню — лишь пустая видимость для толпы. Когда дело дойдёт до настоящей войны, решать будет только он один. Если вы попытаетесь действовать без его ведома, он обрушит свой гнев на вас раньше, чем это сделает враг. Я ценю вашу преданность, но не стоит губить себя ради меня одного. На таких верных подданных, как вы, держится вся поднебесная. Берегите себя, пока не настанет крайний час.

Ци Лань открыл было рот, но не нашёл слов.

Прошлым летом император под предлогом обострения ситуации на границе передал командование армией Ли Юнькэ главнокомандующему Чжан Лисиню, окончательно лишив князя реальной власти. Однако подозрительный Жунхун и не догадывался, что Чжан Лисинь всегда тайно поддерживал Ли Юнькэ. И таких людей среди высших чинов было немало — именно поэтому передача полномочий прошла так гладко, без лишних споров.

На поверхности в империи Чэннин царили мир и спокойствие, но любой проницательный человек видел: бывшее величие превратилось в изящную, но пустую оболочку. Если двор не предпримет решительных шагов, война рано или поздно постучится в ворота.

Видя бездействие императора, верные слуги престола начали искать выход, и их взоры обратились к Великому князю Дуаню, который с каждым годом становился всё мудрее и сильнее. Тайная сеть сторонников росла, и сегодня она уже вполне могла соперничать с влиянием самого Ли Юньшэня.

Сам же Ли Юнькэ не спешил раскрывать карты. С одной стороны, он казался преданным вассалом, стремящимся помочь брату сохранить империю. С другой — он неизменно вступался за своих людей в самые опасные моменты, из-за чего те никак не могли до конца разгадать его истинные намерения.

— Дело непростое, но и не сказать, что смертельное. Полагаю, Цюцзюэ пока не планируют масштабного вторжения, это лишь разведка боем, — взгляд князя стал холодным. — Они явились как нельзя кстати. Мне тоже хочется прощупать их силу, прежде чем решать, как действовать дальше.

Ци Лань слушал, затаив дыхание. Он нутром чуял: Ли Юнькэ затевает нечто грандиозное, отчего в груди у министра разлилось жаркое волнение.

Но не успел этот жар охватить его целиком, как его окатило ушатом ледяной воды. Послышался голос, зовущий «Хуаншу», и Ци Лань мгновенно помрачнел.

— Господин Ци, уходите первым, — коротко бросил Ли Юнькэ.

Министр поспешно удалился, а князь обернулся к приближающемуся юноше, одарив его вежливой, но пустой улыбкой:

— Приветствую наследного принца.

Наследник престола, Ли Чэн, был человеком, чей характер являл собой полную противоположность его имени, означаящему «искренность». В глазах Ли Юнькэ он был воплощением хитрости и коварства. Все члены императорской семьи Ли отличались завидной красотой, и Ли Чэн не был исключением, однако его облик всегда казался князю скорее желчным и надменным, чем привлекательным.

— Хуаншу, вы право, смущаете племянника. Я специально поспешил за вами, чтобы засвидетельствовать своё почтение, — Ли Чэн вежливо наклонил голову.

Слова звучали гладко, но в его тоне не чувствовалось ни капли истинного уважения. Впрочем, неудивительно. Ли Чэн был старшим сыном Ли Юньшэня и всего на три года младше самого

Ли Юнькэ. Несмотря на официальное обращение, он никогда не воспринимал дядю как старшего родственника.

Ли Юнькэ беззаботно рассмеялся:

— Ваше Высочество весьма вовремя решили засвидетельствовать почтение. Задержись вы на день — и я бы уже уехал. Кто знает, когда бы мы увиделись вновь.

— Хуаншу изволит шутить, — Ли Чэн криво усмехнулся. — Речь ведь идёт о каких-то паре десятков разбойников. Полагаю, вы разделаетесь с ними за неделю-другую.

Ли Юнькэ замахал руками:

— Ох, не берите грех на душу такими словами! Эти люди растворились на наших землях как дым. Дай бог их за месяц найти, не то что «разделаться». Если дело затянется и император разгневается, прошу вас, племянник, замолвите за меня словечко.

Ли Чэн поморщился:

— Отец ни за что не станет гневаться на вас. Всем известно, что никто не трудится ради блага империи Чэннин больше вашего. Если он решит наказать вас, народ этого просто не поймёт.

Ли Юнькэ вскинул брови:

— Ваше Высочество, следите за языком. Подобные речи до добра не доводят.

Ли Чэн делано спохватился и слегка хлопнул себя по губам:

— Виноват, хуаншу, сорвалось. Не взыщите.

— Если у вас больше нет дел, я откланяюсь. Нужно подготовиться к завтрашнему отъезду, — Ли Юнькэ понимал, что этот принц опасается его даже больше, чем венценосный отец, и не желал продолжать этот пустой разговор.

— Хуаншу, — Ли Чэн придержал его за локоть. — Я хотел спросить вашего мнения. Похоже, отец желает, чтобы вы просто выставили этих наглецов, и на том всё. Он будто и не думает требовать ответа у Цюцзюэ. К нам вламываются в дом, а мы должны терпеть? Не кажется ли вам, что это... унижительно?

«Началось», — подумал Ли Юнькэ.

Но что это? Очередная проверка? Чья она — отца или сына?

Князь знал, что Ли Чэн крайне недоволен политикой отца последних лет. Принц втайне готовил почву для собственного возвышения и лишь на словах был преданным сыном, в глубине души надеясь, что с императором что-нибудь случится, и путь к трону освободится раньше срока.

Будь Ли Чэн по-настоящему умён, он бы сейчас не провоцировал дядю, а старался перетянуть его на свою сторону. Но принц был слишком самонадеян. После того как Ли Юнькэ лишили командования армией, наследник перестал воспринимать его как серьёзного игрока.

Ли Юнькэ так надоели эти двое, что ему стало лень даже притворяться.

— Я всего лишь исполнитель, — холодно ответил он. — У меня нет своего мнения на этот счёт. А насчёт того, унизительно это или нет... спросите лучше у своего отца.

<http://bllate.org/book/17433/1662681>